

Актуальная недостоверность как фактор войны

А.А. Кокошин

Неотъемлемой частью современной теории войны как социально-политического феномена должно быть глубокое понимание того, что именно войне присуща высокая степень неопределенности и недостоверности. К современной войне любого типа и масштаба полностью применимы почти забытые положения К. Клаузевица о "трении войны" и о "тумане войны". Это справедливо и в условиях многократного усложнения военных машин ведущих государств, бурного роста разнообразных технологий, включая технологии обработки "больших данных", развития интеллектуальных систем (систем искусственного интеллекта и др.). Под влиянием "трения войны" и "тумана войны" применение вооруженного насилия в политических целях может стать малуправляемым и даже неуправляемым процессом. Источниками "трения войны" являются в том числе повышенное психологическое напряжение, разнообразные стрессы. Высокая степень неопределенности возникает, в частности, из-за стремления противоборствующих сторон ввести в заблуждение противника, используя разнообразные формы дезинформации и блефа, активно применяя среди прочего и средства информационно-технологического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория войны, трение войны, туман войны, Клаузевиц, Свечин, дезинформация, принятие решений, военная машина, интеллектуальные системы.

КОКОШИН Андрей Афанасьевич – академик РАН, академик Российской академии ракетных и артиллерийских наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, 6-й секретарь Совета безопасности РФ.

dekanat@fmp.msu.ru

Статья поступила в редакцию 25 мая 2018 г.

Цитирование: *Кокошин А.А.* Актуальная недостоверность как фактор войны // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 5–15.

Среди видов отношений между государствами и негосударственными субъектами мировой политики значительное место занимает принуждение. Оно может осуществляться в явной и в неявной форме. Военное насилие – это самая радикальная форма принуждения. Именно военное насилие создает особо высокий уровень психологического, умственного и физического напряжения у его участников, о чем неоднократно писали К. Клаузевиц, видные отечественные военные теоретики А.А. Свечин и А.Е. Снесарев.

В современной системе мировой политики, по многим заслуживающим внимания оценкам, роль военной силы как минимум не уменьшается, а вероятность войн и вооруженных конфликтов различных масштабов в ряде сегментов этой системы даже возрастает. Остро стоит проблема обеспечения стратегической стабильности, предотвращения такой эскалации конфликтов, которая могла бы привести к войне с применением ядерного оружия, чреватой самыми катастрофическими последствиями.

Осуществление военного насилия, связанного с утратой многих человеческих жизней, угрозой для существования государства и социума, как убедительно говорит история многих войн, таит в себе множество неопределенностей, неожиданностей, причем особо высокого уровня. Во многих трудах, посвященных теории войны, эта ее

характеристика учитывается явно недостаточно, что не может не сказываться на степени реалистичности оценки перспектив применения военной силы в тех или иных масштабах.

Такие неопределенности и неожиданности необходимо в максимальной мере предусмотреть при подготовке к ведению войны. Еще Г. Гроций, цитируя Фукидида, прозорливо писал, что “прежде чем напасть, рассмотри сначала, какие могут произойти неожиданности на войне” [Гроций 1956, 550]. В целом можно отметить, что вопрос о неопределенностях и неожиданностях при ведении вооруженной борьбы имеет не только важнейшее военное значение, но и значение политическое.

На проблему неопределенности в ведении войны самое пристальное внимание обратил К. Клаузевиц, прежде всего, в книге “О войне”. Труды Клаузевица, несмотря на то, что они появились в совсем иную эпоху, следует считать (при всех поправках на развитие военной техники, изменение форм и способов ведения вооруженной борьбы) одними из наиважнейших для формулирования современной теории войны.

Повышенная степень неопределенности возникает, в частности, из-за стремления противоборствующих сторон ввести в заблуждение противника, используя разнообразные формы дезинформации и блефа. Дезинформация — это часть усилий по дезориентированию противника, призванных заставить его государственное руководство и военное командование совершать ошибки при принятии и реализации решений, такие ошибки, которые создавали бы явное преимущество для дезинформирующей стороны. Преимущество реализуется в захвате инициативы на уровне тактики, оперативного искусства и даже стратегии, в упреждении сосредоточения и развертывания военных сил, нанесении ударов, в создании тех или иных видов превосходства на нужных направлениях и т.п.

Дезинформация служит снижению степени психологической устойчивости противника. Одна из важнейших задач дезинформации — обеспечение внезапности (и для государственного руководства, и для военного командования противоборствующей стороны), которая, в свою очередь, позволит действовать на опережение, захватить инициативу и навязать свою волю противнику. Эти усилия являются едва ли не главными в деле повышения эффективности в применении вооруженных сил почти каждой страны.

Внезапность может носить тактический, оперативный и стратегический характер. Вспомним, что дезинформация со стороны гитлеровской Германии в отношении СССР носила гигантский, беспрецедентный характер как на политическом, так и на военно-стратегическом и оперативном уровнях. Масштабы и изощренность этой дезинформации только в последнее время начинают получать должную оценку. Осуществленная гитлеровским государственным руководством и военным командованием дезинформация сыграла огромную роль в обеспечении Германии и оперативной, и стратегической внезапностью при нападении на СССР 22 июня 1941 г. Это обернулось для нашей страны огромными потерями и поражениями первого года Великой Отечественной войны.

Война — “это путь обмана”, писал Сунь Цзы в VI в. до н.э. [Сунь Цзы 1993, 27]. Так что напрасно современный израильский военный теоретик М. ван Кревельд считает, что только в *наши дни* военачальник, который “будет объяснять свое поражение вероломством врага, просто навлечет на себя обвинение в глупости” [Кревельд 2009, 203]. Вспомним и высказывание М.И. Кутузова в 1812 г. накануне его отъезда из Санкт-Петербурга к отступающей перед французами русской армии. Он сказал, что надеется не победить Наполеона, а перехитрить его [Троицкий 2002, 162]. И действительно, стратегический обман сыграл огромную роль в победе России в Отечественной войне 1812 г. над опаснейшим противником, имевшим немало преимуществ над русской армией.

В современных условиях ряд авторов используют понятие “стратагема”, размышляя о различных вариантах стратегии, о конкретном наборе действий, комбинаций, свойственных той или иной стратегии как военной, так и политической, а также стратегии какой-либо частной корпорации, компании. Понятие “стратагема” возникло, по-

видимому, за несколько столетий до нашей эры в Греции, но получило свое наибольшее признание в первом веке нашей эры в Римской империи. Полководец и писатель Секст Юлий Фронтин (ок. 40–103 гг.) объяснял своим читателям значение этого греческого слова как “ловкость, применяемая полководцами, которая греками *именуется* одним названием стратагем”. То есть под термином “стратагемы” древние понимали не только хитрости в современном смысле слова, но и различные приемы и уловки, которые использовали военачальники для поддержания морального духа армии или достижения победы. См. [Нефедкин 2002, 45–46].

В “Энциклопедическом словаре” Брокгауза – Ефрона стратагема определялась как “военная хитрость”. Далее говорилось, что “в прежнее время при небольших армиях и театрах военных действий они (стратагемы. – А.К.) имели большее значение, чем теперь, когда при значительных силах, употребляемых на войне, условия пространства и времени, а также подготовительные стратегические операции сделались настолько сложными, что обмануть противника почти нет возможности. То, что понималось прежде под словом стратагема, теперь переместилось или, вернее, возможно еще в области тактики” [Брокгауз, Ефрон 1901, 730]. Вторая мировая война и многие последующие войны убедительно показали, что это мнение было ошибочным.

Опыт истории, в том числе последних десятилетий, убедительно говорит, что ведение войны – это преодоление огромного числа сложностей, нестыкровок, неудачных управленческих решений и пр. Война – это сфера неопределенного, во многом случайного, как бы тщательно ни осуществлялось политико-военное, военно-стратегическое и оперативное планирование (даже когда одна из сторон обладает значительным превосходством над другой стороной). И стремление к дезинформации другой стороны для каждого из противников может увеличивать степень неопределенного и случайного. Соответственно, огромные усилия должны затрачиваться на снижение степени случайности и неопределенности.

Серьезный советский военный автор 1920-х гг. А. Топорков образно писал, что “мысль военного деятеля прежде всего стремится преодолеть хаос и путаницу, множащуюся вокруг него в силу страстной аффективной природы боя и войны”, а он “будет стремиться к ясности, к сознательности” [Топорков 1927, 58].

Необходимо подчеркнуть, что высокая степень неопределенности (добавим – и недостоверности) относится не только к собственно ведению военных действий, но и к политическим результатам той или иной войны. Это наглядно продемонстрировано, в частности, исходом войны в Ираке, развязанной в 2003 г. Соединенными Штатами и Великобританией: ее политические итоги не соответствовали впечатляющим результатам применения подавляющей военной силы.

Стремление к снижению степени неопределенного и случайного обуславливает необходимость предусмотреть и наихудшие варианты в планировании войны и отдельных операций. И.В. Сталин на совещании начальствующего состава Красной Армии 17 апреля 1940 г. (после весьма тяжелой для СССР войны с маленькой Финляндией) справедливо отмечал: “На войне надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, а еще лучше предусмотреть худшее” [Сталин 2015, 156]. К сожалению, это не воплотилось в конкретные политико-военные установки высшего руководства страны и в оперативно-стратегическое планирование перед Великой Отечественной войной.

Как уже отмечалось выше, огромное значение для понимания войны как сферы неопределенного и недостоверного имеет феномен введенных Клаузевицем понятий *трения войны* и *тумана войны*. Клаузевиц неоднократно призывал к предельной реалистичности в исследовании и понимании войн, памятуя постоянно, в частности, о трении войны. Этот призыв Клаузевица остается весьма актуальным во все времена. Он должен учитываться и политиками, и профессиональными военными.

Клаузевиц выступал против того, чтобы “конструировать войну”, исходя из “голого понятия”. Необходимо признать, считал он, “право на соответственное место за всем чуждым, что к ней (войне. – А.К.) примешивается и с нею связывается”, и отдать должное “естественной тяжеловесности и трению частей, всей непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа”. Клаузевиц далее добавлял: “Мы должны

усвоить себе взгляд, что получаемый войной облик вытекает из господствующих в данный момент идей, чувств и отношений" [Клаузевиц 1937⁶, 335].

К явлению трения войны Клаузевиц обратился еще до написания своего классического труда "О войне". По его словам, "на войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно. Орудие войны походит на машину с огромным трением". Далее он отмечал: "...война представляет собой деятельность в противодействующей среде. Движение, которое легко сделать в воздухе, становится крайне трудным в воде. Опасность и напряжение – вот те стихии, в которых на войне действует разум". Клаузевиц также говорил, что "об этих стихиях ничего не знают кабинетные работники. Отсюда получается, что всегда не доходишь до той черты, которую себе наметил; даже для того, чтобы оказаться не ниже уровня посредственности, требуется недюжинная сила" [Клаузевиц 1937^B, 127–128]. Приведенные выше цитаты содержатся в труде Клаузевица "1812 год", написанном на основе его личного опыта участия в Отечественной войне 1812 г. в качестве штабного офицера Русской армии.

Трению войны Клаузевиц посвятил специальный раздел "Природа войны" первой части своей книги "О войне". Клаузевиц справедливо подчеркивал, что "трение – это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной" [Клаузевиц 1937^A, 104]. Иными словами, на войне от задуманного до реализуемого на деле может быть огромная дистанция. Осознание наличия трения необходимо для понимания сущности войны; одним из элементов трения является опасность, другим – физическое напряжение. А.А. Свечин, говоря о трении войны, писал, что оно "...уменьшает все достижения, и человек оказывается далеко позади поставленной цели". Цит. по: [Кокошин 2013, 364]. Под влиянием трения войны боевые действия часто становятся малоуправляемым и даже неуправляемым процессом. Источниками трения войны являются, как отмечалось, повышенный уровень психологического напряжения, разнообразные стрессы, абстрагироваться от которых при рассмотрении и прикладных, и теоретических вопросов войны было бы грубой ошибкой. Очевидно, что поведение индивида, малых и больших групп людей в условиях стресса способствует повышению вероятности ошибки. Игруют большую роль и различия в характерах людей, их темпераментах, в уровнях профессиональной подготовки, в культуре взаимоотношений и пр. Все эти вопросы, как правило, находятся за пределами внимания специалистов, рассматривающих вопросы теории войны.

Разумеется, трение войны уменьшается для намного более сильной стороны в ее противоборстве со слабой стороной. При примерно равных силах оно может значительно возрастать. Совокупность источников трения войны, как справедливо отмечает американский военный теоретик и историк Э. Люттвак, обычно "...оказывается больше их простой суммы, поскольку одни виды трения взаимодействуют с другими, что еще больше ухудшает результат" [Люттвак 2012, 27].

На преодоление трения войны направлены огромные силы на всех уровнях военного искусства – стратегии, оперативного искусства (оператики) и тактики. Подробнее см. [Кокошин, Балуевский, Потапов 2015, 3–22]. В частности, это относится к совершенствованию средств контроля за выполнением принимаемых решений, к совершенствованию разведки, обработки и анализа получаемых данных о противнике и др., в целом ко всей системе управления с максимально полным учетом человеческого фактора.

Все более важную роль при этом в современных условиях играет использование методов анализа "больших данных" применительно к многомерным политико-военным проблемам и ситуациям. Это относится и к технологиям, в той или иной степени использующим интеллектуальные системы и помогающим повышать обоснованность, адекватность принимаемых решений и совершенствовать контроль за их исполнением.

Однако следует иметь в виду, что и соизмеримый по своим возможностям противник может использовать аналогичные методы и средства. К тому же следует помнить, что "большие данные", если не заботиться постоянно о соответствующих мерах по "очистке" данных, могут нести большой объем информационного шума, способствующего увеличению трения войны и тумана войны.

И до наступления "эпохи больших данных" аналитикам в вооруженных силах разных стран приходилось иметь дело с огромными объемами информации из самых раз-

нообразных источников. Однако "большие данные" в современных условиях характеризуются по крайней мере тремя факторами, которые обеспечивают новое качество. Во-первых, это скачкообразное увеличение на несколько порядков объема доступной информации, которая собирается и накапливается; ею в современных условиях может оперировать военный аналитик. Во-вторых, скорость, с которой она принимается пользователем, а затем обрабатывается. В-третьих, разнообразие информации, приходящей в самых различных форматах из весьма диверсифицированных источников – от Твиттера и Фейсбука до специальных данных, полученных средствами радиоэлектронной разведки. Это требует конструирования систем для управления данными и их "складирования" в тех формах, в которых они были получены. См. [Hamilton, Kruezer 2018, 4–5].

Возвращаясь собственно к вопросу о трении войны, вспомним мысль Клаузевица о том, что это "ужасное трение"; оно повсеместно "...приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которые заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны". При этом, отмечал Клаузевиц, трение войны "не может, как в механике, быть сосредоточено в нескольких пунктах" [Клаузевиц 1937^a, 105], то есть оно имеет место во всех звеньях "военной машины".

В современных условиях, говоря о трении войны, следует иметь в виду не только собственно "военные машины", но и органы, осуществляющие информационно-психологическое противоборство за пределами военных ведомств, органы, занимающиеся дипломатическим и экономическим обеспечением войны, и др. К сожалению, понятие "трение войны" в послевоенные десятилетия практически исчезло из отечественных военно-научных трудов, хотя еще в конце 1930-х гг. его можно было встретить даже в засекреченных в то время документах Наркомата обороны СССР, Генштаба РККА. Отсутствие учета фактора трения войны снижает ценность многих военно-научных разработок.

Применительно к маломасштабным войнам всегда существует опасность случайных инцидентов, увеличивающих интенсивность конфликта. И это вполне может быть прямым следствием трения войны. Особенно опасны случайные инциденты во взаимоотношениях между ядерными державами (в том числе и в мирное время). Такие инциденты возникали, в частности, в ходе Карибского кризиса 1962 г. Подробнее см. [Есин 2015, 4–12]. Эта проблема остается весьма актуальной и в современных условиях, в условиях значительного обострения отношений между Россией и США, Россией и НАТО, снижения уровня стратегической стабильности, в частности с разработкой Соединенными Штатами систем противоракетной обороны (см. [Есин 2015, 85–114]), противоспутникового оружия (см. [Веселов 2017, 65–104]) и др.

Информационно-коммуникационные процессы на войне обладают повышенной степенью сложности. Значительная часть этих процессов происходит внутри собственно вооруженных сил, их отдельных компонентов, вовлеченных в военные действия. Клаузевиц справедливо отмечал, что многие донесения, которые получает командование, противоречат друг другу (то же отмечали и целый ряд других военных историков различных периодов). Немало бывает и ложных донесений, а "основная их масса малодостоверна"; в силу ложности многих известий "человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды" [Клаузевиц 1937^a, 102–103]. Разумеется, в конкретной войне степень достоверности донесений зависит от разведывательных возможностей той или иной стороны (в том числе в незначительной степени от аналитических возможностей разведки и штабов в целом), от надежности систем боевого и политического управления, как организационных, так и технических их компонентов. Зависит она, конечно, и от профессионализма командного состава всех уровней. В последние 20–25 лет появилось множество дополнительных технических новаций (прежде всего, информационно-коммуникационных технологий), которые резко повышают разведывательные возможности и возможности контроля. Однако массовое внедрение новых технологий несет в себе и значительные риски, ибо соответствующие сети, системы, их компоненты становятся объектами воздействия средств радиоэлектронной борьбы и проведения боевых операций в киберпространстве.

Опираясь на свой личный военный опыт и на военно-исторические исследования, Клаузевиц писал, что "знакомство с... трением — значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала". При этом немецкий военный теоретик делал важное замечание: "Конечно, генерал, придающий исключительное значение трению, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков)". Он подчеркивал, что "знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолеть и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть" [Клаузевиц 1937^a, 106].

Понимание такого феномена, как трение войны, необходимо не только для командующих и командиров всех уровней, но и для государственного и политического руководства. Ибо оно позволит государственно-политическому руководству ставить адекватные цели перед вооруженными силами страны с учетом конкретных обстоятельств, наличных ресурсов и т.п., а также исходя из реалистической оценки расстановки сил в соответствующем сегменте мировой политики.

Весьма актуальным остается мнение Клаузевица о том, что теоретически трение изучить в совершенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же "не доставало бы еще навыка в оценке, того такта, который... гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собой и с другими" [Клаузевиц 1937^a, 106]. Продолжая эту мысль, Клаузевиц сделал весьма актуальное образное замечание о значении военного опыта: "Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им командиру всегда в больших и малых делах, при каждом, так сказать, ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это — годится, это — нет" [Клаузевиц 1937^a, 106].

Клаузевиц уделил должное внимание "упражнениями мирного времени", которые способствуют пониманию трения войны. Он считал, что их организация, при которой "...открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность и имеет несравненно большую ценность, чем думают те, кто не знаком с этим на опыте". Клаузевиц подчеркивал, что "крайне важно, чтобы военный любого ранга на войне не впервые столкнулся с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение", и если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему "уже наполовину знакомы" [Клаузевиц 1937^a, 108].

Военная машина, по мнению Клаузевица, "в основе своей чрезвычайно проста", в силу чего кажется, что "ею легко управлять" [Клаузевиц 1937^a, 104–105]. В современных условиях этот тезис неприменим. Военные машины основных государств уже давно отнюдь не просты; наоборот, они под воздействием технологических факторов становятся все более сложными человекомашинными организмами с многочисленными "интерфейсами". Эти военные машины требуют тщательного научного исследования вопросов управления ими (здравого смысла и личного опыта соответствующих руководителей здесь недостаточно). На это и должны быть нацелены многочисленные военно-научные исследования.

Сложность современных военных машин определяется во многом наличием в войсках самой разнообразной боевой и обеспечивающей техники, что не может не влиять на механизмы и процедуры принятия решений. Все более важную роль в военных машинах играют системы и технологии искусственного интеллекта. Во главе каждого из компонентов военных машин остаются люди со всеми их психологическими, умственными и физическими особенностями. В силу этого человеческий фактор остается важнейшим в обеспечении эффективности военных машин, равно как и в управлении на политико-военном уровне.

Человеческий фактор продолжает играть решающую роль и во все более широко используемых в военном деле интеллектуальных системах, которые уже упоминались

выше. Обеспечивающие военные действия интеллектуальные системы определяют "комфортное взаимодействие" пары "человек — компьютерная система" [Финн 2011, 25].

Все ведущие государства уделяли и уделяют большое внимание повышению эффективности систем управления вооруженными силами, начиная с высшего, политико-военного уровня. Так, в частности, радикальная, во многом беспрецедентная реформа в последние 2–3 года осуществляется в Китайской Народной Республике. Главным компонентом этой реформы является усовершенствование системы управления Народно-освободительной армии Китая (НОАК), имевшей и имеющей ярко выраженную специфику. Реформа нацелена и на усиление политического контроля над НОАК со стороны высшего партийно-государственного руководства КНР, и на повышение реальной боевой эффективности китайских вооруженных сил, на достижение ими в случае необходимости победы в "интеллектуализированной войне".

* * *

Не меньшее значение для понимания природы войны как сферы неопределенного, недостоверного имеет введенное в оборот Клаузевицем понятие *туман войны*. Клаузевиц писал, что «война — область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности» [Клаузевиц 1937^a, 78–79]. Можно предположить, что понятие "туман войны" Клаузевиц заимствовал у крупного французского полководца XVIII в. Морица Саксонского (его, в частности, высоко ценил русский военный гений А.В. Суворов), который писал, что "война — это наука, насыщенная туманностями, не позволяющими двигаться уверенно" [Мориц Саксонский 2009, 26].

Клаузевиц отмечал: чтобы видеть сквозь этот "туман" и "вскрыть истину", требуется "тонкий, гибкий, проницательный ум" [Клаузевиц 1937^a, 78–79]. В современных условиях такими качествами должны обладать, прежде всего, должностные лица соответствующих штабов, тех органов, которые готовят варианты решений для командующих и командиров разных уровней.

Существенно расширить возможности командующих и команды по принятию решений могут интеллектуальные системы с использованием компьютеров, соответствующих алгоритмов, программного обеспечения, которые позволяют обрабатывать (структурировать) большие объемы информации. Конечно, они не могут компенсировать профессиональную неподготовленность лиц, принимающих решения, особенно если учитывать разнообразие активных средств противодействия интеллектуальным системам.

Развивая тему тумана войны, Клаузевиц писал: "Недостоверность известий и предположений — постоянное вмешательство случайности — приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем он ожидал; это не может не отражаться на его плане или, по крайней мере, на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана" [Клаузевиц 1937^a, 79].

Далее Клаузевиц отмечал: "Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться". При этом, по его мнению, "гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать". Затем немецкий военный теоретик описывает, казалось бы, безнадежное положение, замечая, что "знакомство с обстановкой растет, но от этого наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается". Клаузевиц обоснованно видит причину этого в том, что "необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно", что "наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных". Завершает от довольно оптимистично: главное — чтобы "наш дух" все время оставался "во всеоружии" [Клаузевиц 1937^a, 79]. Здесь вновь следует вспомнить о дезинформации с противоположной стороны, которая может существенно исказить и без того сложную и противоречивую картину.

К теме недостоверности сведений, которыми пользуются при принятии решений на войне, Клаузевиц обращается не раз в своем главном труде, чтобы еще более оттенить сложность ведения реальных боевых действий в условиях дефицита достоверных данных. Говоря о тумане войны, Клаузевиц употребляет и понятие *полумрак*. Вот его, как всегда, образные слова: “Наконец, своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся до известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний” [Клаузевиц 1937^a, 130]. Так что постоянные, целенаправленные усилия должны прилагаться для того, чтобы командование избавлялось от этого полумрака или тумана.

Туман войны наряду с *трением войны* остаются весьма удачными метафорами для теоретического осмысления войны как специфического общественно-политического явления. Причем оба эти понятия обладают значительной прикладной ценностью для ответственных лиц, принимающих решения. Понятие “туман войны” вполне может быть отнесено как к оценке того, что происходит у противника (чем призвана заниматься, в частности, разведка), так и к оценке того, что происходит в собственных вооруженных силах, особенно в тех их компонентах, которые непосредственно выполняют боевые задачи.

Чрезвычайно высокой степенью неопределенности и недостоверности может характеризоваться война с применением ядерного оружия. Это обусловлено его спецификой — выделением огромных объемов энергии, разнообразными поражающими факторами ядерных взрывов, их вторичными и третичными последствиями, неисчислимыми людскими жертвами, разрушением материальных основ современной цивилизации, особенностями технологий стратегических ядерных сил и др. Высокой степенью неопределенности характеризуется и возможность нанесения “обезоруживающих” контрсилловых ударов, в том числе с массированным использованием высокоточного обычного оружия и средств противоракетной обороны, о чем в последние годы говорится в ряде публикаций американских авторов.

Сферой недостоверного и неопределенного является и проблематика эскалации конфликтов — от отдельных инцидентов с тем или иным участием вооруженных сил, их компонентов до крупномасштабной войны. Причем это характерно как для современности, так и для прошлого.

Рассеиванию тумана войны в немалой степени способствует заблаговременное изучение и противника, и самого себя. Здесь уместно вспомнить соответствующие тезисы трактата Сунь Цзы. Знай себя и врага — именно это положение трактата Сунь Цзы выделено в «Новой Энциклопедии Британника» как главный элемент его учения. Можно отметить, что требование рационально, как можно более трезво оценивать свои силы и силы противника весьма рельефно присутствует в трактате «Краткое изложение военного дела» римского военного теоретика конца IV — начала V вв. Вегетия. На это обратил внимание уже упоминавшийся отечественный военный теоретик А.А. Свечин [Свечин 2002, 84].

Глубокое знание и себя, и своего противника — вроде простое и даже элементарное условие. Однако на деле его выполнение сопряжено с большими трудностями; необходимы значительные, а подчас и огромные усилия для принятия оптимальных организационно-управленческих решений, а также меры по контролю за исполнением принятых решений. Реализация этих задач требует определенных психологических установок и волевого начала, а не только сугубо профессиональных знаний.

В военных машинах больших государств (а это во многом крупные бюрократии) изучением противника занимается один сегмент бюрократии, а за знание «самого себя», собственных вооруженных сил отвечают другие ее сегменты. При этом вопросами возможностей государства применительно к проблемам войны и мира (особенно вопросами военно-экономических возможностей, устойчивости политической системы, элитного и массового общественного сознания и др.) в значительной мере занимаются органы вне военного ведомства.

Развивая идеи Сунь Цзы, Мао Цзэдун писал: “Есть люди, которые способны хорошо познавать себя и неспособны познавать противника; другие способны познавать противника, но неспособны познавать себя. Ни те, ни другие не способны справиться с изучением и практическим применением законов ведения войны” [Мао Цзе-Дун 1953, 325]. Мысли Сунь Цзы и Мао повторяет уже упоминавшийся израильский ученый М. ван Кревельд: “Первичное условие достижения успеха состоит в способности угадывать мысли противника и угадывать свои собственные” [Кревельд 2009, 183].

Точное знание себя и своего противника, развеивающее туман войны, предполагает трезвое, четкое понимание сильных и слабых мест и в своих вооруженных силах, и в вооруженных силах противника, понимание экономической и научно-технической базы, возможностей политико-дипломатического и информационно-пропагандистского обеспечения применения военной силы и др. Знание «самого себя» в стратегическом управлении не менее важно, чем знание противника, а иногда и более важно. В силу психологических особенностей подавляющему большинству людей легче трезво оценивать других, чем самих себя. Это свойственно и многим крупным личностям – политикам, военачальникам. Древний китайский философ Лао-Цзы отмечал познание самого себя как более высокий уровень знания по сравнению с познанием других людей: “Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могущественен” [Лао-Цзы 1987, 25].

С мнением китайского философа трудно не согласиться. Самопознание, безусловно, служит тому, чтобы война как инструмент политики была делом менее неопределенным и менее недостоверным. Это, в свою очередь, способствовало бы во многих случаях снижению опасности возникновения войны, предотвращению эскалации политико-военных конфликтов.

Источники – Primary Sources

Брокгауз, Ефрон 1901 – Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типография акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1901. Том XXXI. (*Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. 31. In Russian).

Гроций 1956 – Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. М.: Юриздат, 1956 (Hugo Grotius. *On the Law of War and Peace*. Russian translation).

Клаузевиц 1937^a – Клаузевиц К. О войне. Пер. с нем. Изд. 3-е. М.: Госвоениздат, 1937. Т. I (Clausewitz K. *Vom Kriege*. Russian translation).

Клаузевиц 1937^b – Клаузевиц К. О войне. Пер. с нем. Изд. 3-е. М.: Госвоениздат, 1937. Т. II (Clausewitz K. *Vom Kriege*. Russian translation).

Клаузевиц 1937^b – Клаузевиц К. 1812 год. Изд. 2-е. М.: Госвоениздат, 1937 (Clausewitz K. *Der Feldzug von 1812 in Russland*. Russian translation).

Лао-Цзы 1978 – Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Пер. с кит. Ред. колл. В.Г. Буров, Р.В. Вяткин, М.А. Титаренко. М.: Мысль, 1978. Т. I (Laozi. *Tao Te Ching*. Russian translation).

Мао Цзе-Дун 1953 – Мао Цзе-Дун. Избранные произведения. Пер. с кит. В 4 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 2 (Mao Zedong. *Collected Works*. Russian translation).

Мориц Саксонский 2009 – Мориц Саксонский. Теория военного искусства. М.: Центрполиграф, 2009 (Maurice de Saxe. *Mes Rkveries*. Russian translation).

Сталин 2015 – Сталин И.В. Выступление на совещании начальствующего состава Красной Армии 17 апреля 1940 года // И.В. Сталин: pro et contra: антология / Сост., вступ. статьи, коммент. А.А. Хлевов, отв. ред. Д.К. Богатырев. СПб.: РХГА, 2015. Т. 1. (Stalin J. *Speech at a Meeting of the Commanding Staff of the Red Army*. In Russian).

Сунь Цзы 1993 – Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве // Конрад Н.Н. Синология. Ротапринтное воспроизведение издания 1977 г. М.: Ладомир, 1993 (Sun Tzu. *The Art of War*. Russian translation).

Топорков 1927 – Топорков А. Метод военных знаний. М.: Изд. Управления делами наркомвоенмора и РВС СССР, 1927 (Toporkov A. *Method of Military Knowledge*. In Russian).

Веселов 2017 – *Веселов В.А.* Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. Т. 9. № 2. С. 65–104.

Есин 2015 – *Есин В.И.* Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. № 3. С. 85–114.

Кокошин 2013 – *Кокошин А.А.* Выдающийся российский военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М.: Издательство Московского университета, 2013.

Кокошин, Балуевский, Потапов 2015 – *Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я.* Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. № 4. С. 3–22.

Кревельд 2009 – *Кревельд М. ван.* Трансформация войны / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Люттвак 2012 – *Люттвак Э.* Стратегия. Логика войны и мира / Пер. с англ. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.

Нефедкин 2002 – *Нефедкин А.К.* Античная военная теория и «стратагемы» Полиэна // Полиэн. Стратагемы. СПб.: Евразия, 2002.

Свечин 2002 – *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2002.

Троицкий 2002 – *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2002.

Финн 2011 – *Финн В.К.* Искусственный интеллект. Методология, применение, философия. М.: Красанд, 2011.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 11. P. 5–15

Actual Unreliability as a Factor of War

Andrei A. Kokoshin

An integral part of the modern theory of war as a socio-political phenomenon must be a deep understanding of the fact that it is a war that is characterized by a high degree of uncertainty and unreliability. To the modern war of any type and scale, the almost forgotten clauses of Clausewitz on the "friction of war" and on the "fog of war" are fully applicable. This is also true in the context of the multiple complications of military machines of leading states, the rapid growth of various technologies, including technologies for processing "large data", the development of intellectual systems (artificial intelligence systems, etc.). Under the influence of the "friction of war" and the "fog of war," the use of armed violence for political purposes can become a little-controlled and even uncontrollable process. Sources of "friction of war" are, among other things, increased psychological stress, various stresses. A high degree of uncertainty arises, in particular, due to the striving of the opposing sides to mislead the enemy using various forms of misinformation and bluff, actively using among other things the means of information and technological impact.

KEY WORDS: theory of war, friction of war, fog of war, Clausewitz, Svechin, desinformation, making decisions, military machine, intelligent systems.

KOKOSHIN Andrei A. – academician of RAS, academician of RARAN, Dean of the Faculty of World Politics of Moscow State University, 6th Secretary of the Security Council of the Russian Federation.

dekanat@fmp.msu.ru

Received at May 25, 2018.

Citation: Kokoshin, Andrei A. (2018) “Actual Unreliability as a Factor of War”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 5–15.

DOI: 10.31857/S004287440001888-1

References

- van Creveld, Martin (1991) *The Transformation of War*, Free Press, New York.
- Esin, Viktor I. (2015) “U.S. Missile Defence Policy and its Impact on Strategic Stability”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, S. 25, vol. 7, № 3 (2015), pp. 85–114 (in Russian).
- Finn, Viktor K. (2011) *Artificial Intelligence. Methodology, Application, Philosophy*, Krasand, Moscow (in Russian).
- Hamilton, Shane P., Kruezer Michael P. (2018) “The Big Data Imperative. Air Force Intelligence for the Information Age”, *Air and Space Power Journal*, Vol. 32, No 1, Spring 2018, pp. 4–20.
- Kokoshin, Andrei A. (2013) *An Outstanding Russian Military Theorist and Military Commander A. Svechin. About his Life, Ideas, Works and Heritage for the Present and Future*, Moscow State University (in Russian).
- Kokoshin, Andrei A., Baluevskii Yuri N., Potapov Vladimir Ya. (2015) “The Impact of the Latest Trends in the Development of Technologies and Means of Armed Struggle on the Military Art”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, S. 25, vol. 7, № 4 (2015), pp. 3–22 (in Russian).
- Lutvak, Edward N. (2003) *Strategy: The Logic of War and Peace*, Cambridge, Massachusetts.
- Nefedkin, Aleksandr K. (2002) *Ancient Military Theory and “Stratagems” of Polyaeus*, Eurasia, St. Petersburg (in Russian).
- Svechin Alexander A. (2002) *Evolution of Military Art*, Kuchkovo Pole, Moscow (in Russian).
- Troitsky, Nikolay A. (2002) *Field Marshal Kutuzov: Myths and Facts*, Tsentrpoligraf, Moscow (in Russian).
- Veselov Vasilii A. (2017) “Space Technologies and Strategic Stability: New Challenges and Possible Responses”, *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, S. 25, Vol. 9, № 2 (2017), pp. 65–104 (in Russian).